

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/53/10

С. К. Севастьянова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Легендарное повествование об Олеге Вещем в «Русской истории», обработанной «Сатириконом»

Легендарное повествование о киевском князе Олеге Вещем, известное по Повести временных лет, переосмыслено в юмористической «Русской истории», составленной сатириком И. Л. Оршером и изданной журналом «Сатирикон» в первые годы XX в. При помощи коротких забавных историй из жизни Олега писатель в сатирической манере, восходящей к традициям русской смеховой культуры, охарактеризовал практически все сферы деятельности князя, показав того одновременно и храбрым воином, и жестким правителем. В статье представлен и анализ интерпретации архетипического мотива «смерти князя от коня». Пародируя летописный материал, сатирик преследовал цель – доставить читателю эстетическое наслаждение и вызвать у него смех. Для сатирического изображения политического положения России и общественных нравов Оршер использовал прием ироничного изображения прошлого, спроецировав на древнюю эпоху характерные для событий своего времени особенности, а киевского князя наделил чертами своих современников. Сделан вывод: Оршер переосмыслил ценности русской истории и приспособил их к культурно-политическим задачам своего времени.

Ключевые слова: «Русская история», И. Л. Оршер, «Сатирикон», летописное повествование об Олеге Вещем, мотив, сюжет, интерпретация, сатира, пародия, юмор, русская смеховая культура.

Годовые подписчики русского еженедельного журнала «Сатирикон» на 1909 г., как сообщал 46 номер, в качестве бонуса получили иллюстрированное издание – «Всеобщую историю, обработанную “Сатириконом”»¹. Автором последнего, четвертого раздела «Русская история» был О. Л. Д’Ор – талантливый сатириконец Иосиф Львович Оршер (1878–1942).

Сведения о нем чрезвычайно скудны. Литературная энциклопедия сообщает, что Оршер печатался в петербургских газетах и журналах, а известность ему принесли публикации в «Сатириконе» и книги рассказов, фельетонов и пародий [Чуваков,

¹ Сатирикон (журнал). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сатирикон_\(журнал\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сатирикон_(журнал)) (дата обращения 15.07.2014).

Севастьянова Светлана Климентьевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; sevask@mail.ru)

1968, стб. 473]. Юмор Оршера был своеобразным: «Смех среди руин» – определил писатель сущность сатиры, назвав так сборник своих рассказов, изданный в 1912 г. В предисловии к книге он советовал: «Ух, лучше смеяться, читатель!», чем плакать над проклятой жизнью. Это credo писателя отвечало направлению журнала противостоять характерным для сатиры 1900-х гг. тенденциям: «убоному злопыхательству черносотенной юмористики и беспардонному зубоскальству уличной прессы»: «Мы будем хлестко и безжалостно бичевать все беззакония, ложь и пошлость, которые царят в нашей политической и общественной жизни... – заявила редакция в первом номере «Сатирикона». – Смех, ужасный ядовитый смех, подобный жалам скорпионов, будет нашим оружием» [Евстигнеева, 1968].

Для сатирического изображения политического положения России и общественных нравов Оршер использовал прием ироничного изображения исторического прошлого России, спроецировав на древнюю эпоху характерные для событий своего времени особенности, а ярких представителей древней Руси наделил чертами его современников. «Русская история» Оршера в составе юмористической «Всемирной истории» заканчивалась рассказом об Отечественной войне 1812 г.; позже она получила продолжение: «Николай II Благосклонный. Конец “Русской истории”, изданной в 1912 г. “Сатириконом”» (Пг., 1917), а некоторое время спустя вышла отдельным изданием под названием «Русская история при варягах и ворягах» [1922]. Вещему Олегу посвящена четвертая часть первой главы книги «Начало Руси».

В структуре рассказа Оршера об Олеге четко выделяются шесть самостоятельных ситуаций, расположенных, кроме одной, в последовательности летописи. Сравним структуру повествования об Олеге в Повести временных лет (далее – ПВЛ) и «Русской истории» (табл. 1).

Таблица 1

Последовательность рассказов о князе Олеге в ПВЛ и «Русской истории» И. Л. Оршера

ПВЛ		И. Л. Оршер. Русская история	
1	Убийство Аскольда и Дира	1	+
2	Провозглашение Киева столицей Руси	3	+
3	Наложение Олегом дани на захваченные народы	2	Наложение Олегом дани только на киевлян; содержание ситуации соответствует статье ПВЛ о наложении дани Олегом на одно из славянских племен Радимичей
4	Поход Олега на Царьград	4	+
5	Об этимологии имени Вещий	5	+
6	О смерти Олега	6	+

Очевидно, что Оршер поменял местами вторую и третью ситуации, но в целом сохранил сведения о киевском князе, содержащиеся в летописном повествовании. При помощи коротких забавных историй из жизни Олега, имеющих в конце, подобно анекдоту, смысловое разрешение, Оршер в сатирической манере охарактеризовал практически все сферы деятельности князя, показав того одновременно и храбрым воином, и жестким правителем. Пародируя исторический (летописный) материал, сатирик преследовал главную цель – доставить читателю эстетическое наслаждение и вызвать у него смех.

Кратко охарактеризуем приемы смеховой культуры, используемые Оршером при описании жизни и смерти киевского князя и составлении его образа.

В отличие от ПВЛ, где в статье о первых киевских князьях особо выделяется тема хитрости Олега, с помощью которой он выманил Аскольда и Дира из Киева, чтобы убить их [ПСРЛ, с. 10], в повествовании Оршера все внимание сосредоточено на диалоге, напоминающем препирательство князей друг с другом:

Однажды Олег подплыл к Киеву со своей дружиной и спросил:

– Кто над вами княжит?

– Вот эти! – ответили равнодушно киевляне, указав на Аскольда и Дира.

– Вы княжите? – обратился к последним Олег.

Аскольд и Дир поняли, что отпираться уже поздно, и ответили:

– Так точно, мы!

– Ваши документы?

Аскольд и Дир побледили, но быстро оправились и в свою очередь спросили:

– А у вас, г. Олег, документы есть?

– Есть. Вот мой документ.

При этих словах Олег поднял над головой своей малолетнего Игоря, сына Рюрика.

Аскольд и Дир хотели сказать Олегу, что в Киеве мальчик не только документом на княженье, но и простым метрическим свидетельством служить не может.

Но прежде, чем они успели открыть рот, Олег приказал убить их и похоронить на Аскольдовой могиле [Русская история, 1922, с. 8–9].

Комический эффект создан при помощи деталей, напоминающих реалии современности автора: упоминание о «метрическом свидетельстве» – документе, удостоверяющем факт занесения акта о рождении и крещении ребенка в Метрическую книгу; форма утвердительного ответа военнослужащего «Так точно, мы!», которую используют дружинники новгородского князя Рюрика; вопрос Олега «Ваши документы?», похожий на окрик полицейского, потребовавшего предъявить «паспортную книжку» – официальный документ, удостоверяющий личность гражданина России; обращение дружинников к Олегу как «г. Олег» – господин или гражданин, – в любом случае, как к тому, кто выше по социальному статусу или рангу, но при этом несоблюдение субординации – князья, осмелев, на вопрос: «Ваши документы?» отвечают вопросом: «А у вас, г. Олег, документы есть?» [Там же, с. 9]. Известно, что во времена Рюрика на территории будущего Древнерусского государства «скандинавы образовали новую военную элиту», придав древнерусскому обществу «военнозависимый характер» [Мельникова, 2012, с. 34–35]. Несмотря на иронию, тема жесткой смены скандинавских правителей в рассказе Оршера обозначена достаточно четко: используя характерные в период революционного кризиса в России признаки милитаризации общества, сатирик показывает тип общения, принятый у военных, быструю, без суда и следствия и без объяснения причин расправу с противником («прежде, чем они успели открыть рот»).

С иронией Оршер упомянул и о месте захоронения первых киевских правителей – «на Аскольдовой могиле». Аскольдова могила – это урочище (место) на правом берегу Днепра, где, как сообщил летописец, был похоронен только Аскольд, «а Дирова могила за святою Ориною» [ПСРЛ, с. 10]. В конце XIX – начале XX в. место под названием Аскольдова могила было хорошо известным в Киеве кладбищем с величественными надгробными памятниками и склепами, с греко-католической церковью-ротондой во имя свт. Николая, расписанной в 1890-х гг. по эскизам живописца Виктора Васнецова [Шумило, 2010, с. 69–87]. Современники Оршера с улыбкой понимали, что обоих киевских князей сатирик определил на покой в особо престижный киевский некрополь, где завещали похоронить себя священнослужители и аристократы, философы и врачи, писатели и актеры, инже-

неры и композиторы. Возможно, современникам, да и самому Оршеру было известно, что Иоанн Кронштадтский назвал Аскольдову могилу «первым кладбищем христианских мучеников», веря, что это общее – Аскольда и Дира – место погребения [Шумило, 2010, с. 69–87].

Следующая ситуация, поданная Оршером в сатирической манере, – о покорении Олегом киевлян. Содержание первой части этой сцены, как указано выше, соответствует летописному рассказу о наложении Олегом дани на славянское племя Радимичей [ПСРЛ, с. 10].

После этого Олег любезно осведомился у киевлян:

– Кому платите дань?

– Прежде платили хазарам...

– А теперь мне будете платить.

– Киевляне почесали затылки и робко спросили:

– Но хазары могут прийти и побить нас.

Олег рассмеялся.

– Эка важность, что побьют. Что у вас, первый раз? Побьют и устанут, а потом уйдут.

Киевляне увидели, что князь рассуждает логично, и решили:

– Будем платить ему дань [Русская история, 1922, с. 9].

Безапелляционность Олега, с которой он подчиняет славянское племя в летописи, у Оршера при сохранении стиля и содержания источника утрачивает серьезность и страх и превращается в вежливую и деликатную просьбу о подчинении. Это языковая шутка Оршера, обыгрывающая так называемый косвенный речевой акт, смысл которого и его реальное предназначение не совпадают [Санников, 2002, с. 445–456]. «Любезное осведомление» Олега вуалирует жесткое требование дани.

Во второй части ситуации, построенной в виде шуточного диалога, Оршер использует прием обыгрывания многозначности слова «побить» [Санников, 2002, с. 260; 2012, с. 157] (а данном случае, вероятно, имелись в виду такие значения, как «убить, умертвить» – об этом беспокоились киевляне, и «кизбить, нанести побои» – так трактовал приход-уход хазар Олег) [Словарь XI–XVII, с. 127–128]. В абсурдности понимания киевлянами логики суждений Олега – они говорят о разных действиях, которые могут причинить хазары! – снова обыгрывается косвенный речевой акт, что усиливает комический эффект. Смеховой фон создается сатириком и при помощи деталей – он подмечает разное эмоционально-психологическое поведение собеседников: Олег смеется, а киевляне робеют и чешут затылки. Комическое восприятие этой сцены наиболее сильно, на наш взгляд, у знатоков истории Древней Руси, которые, читая Оршера, соотносили обстановку межнациональной конфликтности, грабежей и набегов на Русь соседних племен, описанную в ПВЛ и других источниках об истории России [Древняя Русь, 2009, с. 55, 86, 90], с атмосферой робости, нерешительности и даже равнодушия киевлян («ответили равнодушно киевляне, указав на Аскольда и Дира»), доходящего до пофигизма – им безразлично, кому платить дань, лишь бы не побили (в любом значении слова).

Следует заметить, принцип безразличия, равнодушия и нечувствительности – один из источников смеха в повествовании Оршера. Известный представитель философии жизни XX в. Анри Бергсон писал: «Я хотел бы указать... на *нечувствительность*, сопровождающую обыкновенно смех... смешное может всколыхнуть только очень спокойную, совершенно гладкую поверхность души. Равнодушные – его естественная среда... отойдите в сторону, посмотрите на жизнь как равнодушный зритель: много драм превратится в комедию... Словом, смешное

требует... для полноты своего действия как бы кратковременной анестезии сердца. Оно обращается к чистому разуму» [Бергсон, 1999, с. 1280–1281].

Игра словами, их формами и значениями становится приметой сатирического стиля Оршера. На языковой игре построены два эпизода об Олеге, связанные с номинациями – Киева и самого князя. Вот шутка о том, как Киев стал «матерью городов русских»:

Киев так понравился Олегу, что в порыве восторга он приказал ему:

– Будь матерью городов русских.

Сказав эти слова, Олег поселился в Киеве.

Киев же, несмотря на свою явную принадлежность к мужскому роду, не посмел ослушаться грозного князя и стал матерью [Русская история, 1922, с. 9].

Сухое летописное сообщение, не вызвавшее сомнений ни у современников Олега, ни у историков в правильности согласования по полу в произнесенной князем фразе, пародийно обыграно Оршером. Объясняя читателю содержание фразы, в которой явное несогласование по роду [Санников, 2002, с. 116; 2008, с. 502] (Киев – муж. р, мать – жен. р.), сатирик усиливает комический эффект повествования и превращает ситуацию в анекдот.

А вот другая языковая шутка, в которой обыгрывается прозвище Олега Вещий:

Вообще этот воинственный князь не признавал чуждой собственности и вещи своих соседей считал своими, за что и был назван Вещим [Русская история, 1922, с. 10].

Этимология прозвища князя Олега остается дискуссионной [Мельникова, 2005]: Вещий – потому что наделен знанием о будущем (т. е. провидец) [Чернов, 2006, с. 62; 2011], или потому что святой, священный (фонетическое отражение и сакральное значение имени Олег в славянской среде) [Войтович, 2013; Петрухин, 1998, с. 886; Скрынников, 2000, с. 9]. Да и из летописной статьи однозначного вывода о происхождении этого наименования князя сделать трудно [ПСРЛ, с. 13]: то ли Вещим стал потому, что отказался пить отравленное вино, поднесенное ему византийцами; то ли потому что владел сокровенными знаниями, как и «людиѣ погани»; то ли потому, что привез из похода в чужие земли несметные богатства и невиданные яства. Оршер, не вникая в историко-филологические тонкости, связывает происхождение прозвища Олега со значением слова «вещь», созвучного слову «вещий». В данном случае – языковая игра омонимами с омоморфемой – частью двух слов с корнем *вещ*, совпадающей в написании и произношении.

Особенно смешной представляется зарисовка Оршера о покорении Олегом Константинополя, где сатирик сочетает иронию с лингвистической игрой. Известно, что скандинавским правителям Киев в разное время служил «военной базой для набегов на Византию и ее черноморские колонии» [Горский, 2012; Мельникова, 2012, с. 35]. На этом фоне особенно ярко ощущается ирония сатирика при описании набега Олега на Царьград: военного присутствия князя и его дружинников греки даже не заметили, однако с удивлением обнаружили на городских воротах прибитый щит:

Однажды он подплыл на своих ладьях к самому Царьграду и, улучив удобную минуту, прибил свой щит к воротам города.

Греки на следующий день долго ломали головы, не зная, кто мог это сделать и зачем?

Наконец, они догадались:

– Должно быть, у этого доброго человека были два щита и один из них он тайно принес нам в дар.

И они решили остаться со щитом [Русская история, 1922, с. 9–10].

В отличие от летописной статьи, где поход описан очень подробно [ПСРЛ, с. 12–13], а об Олеговом щите сказано одной фразой: «и повѣсиша щиты своя въ вратѣхъ, показующе побѣду» [Там же, с. 13], шуточная зарисовка Оршера посвящена именно щиту, символизирующему здесь победу греков. Смеховой эффект создается семантическим несогласованием контекста: подплыть на ладьях к Царьграду означает приготовиться к военным действиям, которых на самом деле не было: Олег только прибывает на ворота щит, как потом оказывается – в дар византийцам. Использование первой части известного фразеологизма «со щитом или на щите» в несоответствующем его содержанию контексте – еще один пример семантической несогласованности: при отсутствии военных действий греки «решили остаться со щитом», т. е. осознали свой успех в войне, которой не было. Возможно, лаконичность этой фразы, принадлежащей, как известно, древнегреческому историку Плутарху, и ее положение – в сильной позиции, в самом конце шутки, повлияли на краткость описания эпизода, который, благодаря мастерской игре смыслов, можно назвать пародийным перевертышем летописного известия.

Семантическая несогласованность контекста – еще одна заметная примета смеховой культуры Оршера, и в повествовании об Олеге подобные фразы порой звучат не только иронично, но даже саркастически. Вот заключение, которое сатирик делает после рассказа о набеге Олега на Царьград, когда греки «решили остаться со щитом»:

И еще много блестящих войн вел Олег, и еще много земель он завоевал [Русская история, 1922, с. 10].

А вот еще одна фраза, которая звучит после рассказов о наложении дани на киевлян и провозглашении Олегом Киева матерью городов русских:

Вскоре Олег покорил много народов, своих и чужих [Там же, с. 9].

В рассказе Оршера об Олеге наибольший интерес представляет интерпретация сатириком легенды о кончине князя. Вот этот текст:

О смерти Олега существует прекрасная легенда.

Один кудесник предсказал, что князь умрет от своего любимого коня.

Олег велел по-прежнему кормить коня, но больше на него не садился. По возвращении из похода князь спросил:

– А где мой любимый конь?

Шталмейстеры смутились и ответили:

– И...и...здох!

Смущение показалось подозрительным Олегу.

– Хочу видеть его кости! – лукаво усмехнувшись, сказал князь: – Шкуру я его видел... на другом коне!

Шталмейстеры повели Олега на какой-то курган, с которого его принесли обратно мертвым. Последнее слово князя было:

– «Змея!»

Из этого истории делают заключение, что Олег умер от укуса змеи.

Но опытные чиновники и киевские интенданты только улыбались наивности историков и объясняют инцидент с конем несколько иначе... [Русская история, 1922, с. 10].

Источником легенды послужила Оршеру, скорее всего, статья из Повести временных лет [ПСРЛ, с. 16]. Сюжетная схема летописного повествования и рассказа сатирика в целом совпадают (табл. 2).

Таблица 2

Структура сюжетной схемы рассказа И. Л. Оршера
в сравнении с элементами сюжета о смерти Олега в ПВЛ

ПВЛ	И. Л. Оршер. Русская история
Предсказание Олегу смерти от коня	
Бѣ бо преже въпрошалъ вольвовъ кудесникъ : «отъ чего ми есть умьрети?» И рече ему одинъ кудесникъ: «княже! Конь, его же любиши и ѣздиши на немъ, отъ того ти умрети	Один кудесник предсказал, что князь умрет от своего любимого коня
Попытка избежать смерти, осложненность мотивом привязанности к коню	
Олежь же пріимъ въ умѣ, си рече: «николи же всяду на конь, ни вижю его болѣ того»; и повелѣ кормити ѿ и не водити его къ нему, и пребывъ нѣколько лѣтъ не дѣя его, дондеже и на Греки иде	Олег велел попрежнему кормить коня, но больше на него не садился
Воспоминание князя о коне	
И пришедшю ему къ Киеву, и пребысть 4 лѣта, на 5 лѣто помяну конь свой, отъ него же бяху рекли вольстви умрети Ольгови, и призва старѣйшину конюхомъ, рка: «къдѣ есть конь мой, его же бѣхъ поставилъ кормити и блости его?»	По возвращении из похода князь спросил: – А где мой любимый конь?
Известие о смерти коня	
Онъ же рече : «умерлъ есть.» Олежь же посмѣяся и укори кудесника, рка: «то ть неправо молвять вольсви, но все то лъжа есть; конь умерлъ, а я живъ»	Шталмейстеры смутились и ответили: – И...и...здох! Смущение показалось подозрительным Олегу
Попытка опровергнуть предсказание	
И повелѣ осѣдлати конь: «да ть вижю кости его»	– Хочу видеть его кости! – лукаво усмехнувшись, сказал князь: – Шкуру я его видел... на другом коне!
Смерть от укуса змеи	
И пріѣха на мѣсто, идѣже бяху лежаще кости его голы и лобъ голъ; и слѣзъ съ коня, посмѣяся рки: «отъ сего ли лъба смерть мнѣ взяти?» и вступи ногою на лобъ; и выникнучи змѣя, и уклону ѿ въ ногу, и съ того разболѣся умьре	Шталмейстеры повели Олега на какой-то курган, с которого его принесли обратно мертвым. Последнее слово князя было: – «Змея!» Из этого историки делают заключение, что Олег умер от укуса змеи

Судя по табл. 2, структура сюжетной схемы летописной легенды писателем последовательно выдержана. Однако содержание второй части повествования Оршера об Олеге – начиная со смерти коня – отличается от сказания Нестора. Тема насмешки князя над волхвами, чье предсказание не сбылось – «конь умерль, а я живь», заменена Оршером темой сомнения князя в порядочности его конюхов (шталмейстеров). Желание Олега увидеть кости коня в ПВЛ объясняется стремлением князя удостовериться в смерти животного, а в рассказе Оршера, как представляется, – чтобы проверить наличие останков: не пущен ли конь по частям в расход, ведь шкура его уже «на другом коне!». Желание князя выяснить обстоятельства смерти коня становится причиной тайны его собственной кончины. Смерть князя, изображенная летописцем досадной случайностью, превращается сатириком в смерть-загадку; сохраняя интригу, Оршер уточняет: обстоятельства «инцидента с конем» доподлинно известны лишь «опытным чиновникам и киевским интендантам», а вот «наивные» историки поверили летописцу.

Тайна, окутавшая смерть князя, подчеркивается Оршером в деталях. На вопрос Олега о коне шталмейстеры «смутились» и, заикаясь, ответили: «И...и...здох!», чем вызвали подозрение князя, который, «лукаво усмехнувшись» намекнул, что, мол, понял: они убили животное. Станным, однако, кажется тот факт, что конюхи, которым Олег выказал недоверие, «повели» его «на какой-то курган», а обратно «принесли мертвым». Оршер не говорит, что именно происходило на холме, чем еще больше интригует читателя и дает ему возможность по-своему решить загадку смерти Олега.

На наш взгляд, возглас умирающего князя «Змея!» есть аллюзия к рассказу Артура Конан Дойла «Пестрая лента», где, напомним, сестра главной героини Элен – Джулия умирает при странных обстоятельствах, выкрикнув перед смертью «Лента! Пестрая лента!». Шерлок Холмс, за помощью к которому обратилась девушка, установил, что доктор Гримсби Ройлотт, отчим сестер Стоунер, при помощи свиста управлял змеей-убийцей, которая по веревке спускалась в кровать к жертве и после укуса тем же путем возвращалась в вентиляционное отверстие [Дойл, 1956, с. 171–198].

Бросившись к ней, я обняла ее, но в это мгновение колени сестры подогнулись, и она рухнула наземь. Она корчилась, словно от нестерпимой боли, руки и ноги ее сводило судорогой. Сначала мне показалось, что она меня не узнает, но когда я склонилась над ней, она вдруг вскрикнула... О, я никогда не забуду ее страшного голоса.

«Боже мой, Элен! – кричала она. – Лента! Пестрая лента!» [Там же, с. 179].

«Пестрая лента» – один из 12 лучших рассказов Дойла, вошедших в сборник «Приключения Шерлока Холмса», впервые опубликованный английским журналом «Strand Magazine» в феврале 1892 г. Примечательно, что в 1910 г, когда в «Сатириконе» вышла «Русская история», в июне и ноябре на лондонской и нью-йоркской сценах соответственно состоялась постановка пьесы Дойла «Пестрая лента» по мотивам его одноименного рассказа; описание кончины Вайолет Стоунер в пьесе еще более загадочно – расследование проводят сначала коронер, потом Холмс; они по очереди беседуют с сестрой погибшей – Энид:

КОРОНЕР: Вы говорите, что Ваша сестра что-то крикнула. Что именно она произнесла?

ЭНИД: Это был бессвязный бред. Она была вне себя от ужаса.

КОРОНЕР: И Вы ничего не сумели разобрать?

ЭНИД: Я услышала слово «лента» – и еще слово «пестрая». Больше я ничего не могу сказать. Я была почти так же напугана, как она.

КОРОНЕР: Ну и ну! «Лента»... «пестрая»... И впрямь походит на бред... [Дойль, Жилетт, 2012, с. 278].

ЭНИД: Мне не дают покоя предсмертные слова сестры... Когда я держала ее на руках, она произнесла два слова.

ХОЛМС: Что это были за слова?

ЭНИД: «Лента» и «пестрая» [Там же, с. 338].

Возможно, Оршер читал этот рассказ Дойла, возможно, был знаком и со сценическим его вариантом – сатириконицы, как известно, активно привлекали современную зарубежную прессу в качестве источника сатирических публикаций [Евстигнеева, 1968]; однако свидетельств увлечения сатириком прозой создателя Шерлока Холмса нам обнаружить не удалось. Между тем, если все-таки признать существование параллелизма мотивов сочинений Оршера и Дойла, можно говорить о явной пародии первого на второго. Детективные истории о Шерлоке Холмсе были чрезвычайно востребованы русскими читателями в начале XX в. и, как любая авантюрно-приключенческая литература, рассчитанная на массовое потребление, развлекали и уводили от злободневных тем современности. Используя узнаваемый интеллектуальными современниками писателя ключевой элемент детективного рассказа, Оршер, напротив, стремился привлечь их внимание, возможно таким образом введя актуальную в охваченной революционным кризисом России тему убийства работниками своего господина или подчиненными – представителя власти. Да и одна из причин убийства, как нам представляется, хоть и не явно обозначена сатириком, но намечена – богатство и благополучие князя (вспомним трактовку Оршером прозвища Олега Вещий). Тема органической связи преступления и богатства – не только еще одна параллель с сочинениями Дойла и особенно с его рассказом «Пестрая лента» [Бейсов, 1957, с. 3–16], но и признак социальной неустойчивости, показатель сильных революционных потрясений России, которые переживали сам писатель и все его современники. Первое десятилетие XX в., как говорят документы, ознаменовано революционным терроризмом [Будницкий, 2000; Гейфман, 1997].

Косвенным доказательством наличия в интерпретации легенды скрытой темы напряженного существования «низов» и «верхов» и активных субкультур может служить содержание раздела, предшествующего части об Олеге, в котором Оршер сообщает о славянских наследниках братьев-конунгов Рюрика, Синеуса и Трувора. Вот интересующий нас фрагмент о наследниках Трувора:

Три брата Рюрик, Синеус и Трувор с дружинами пошли к славянам.

Рюрика приняли с удовольствием.

– Хоть и не рюрикович, – говорили про него послы, – но его потомки будут рюриковичами.

Синеуса приняли благосклонно.

– Усы выкрасим, – решили послы, – и он делается черноусым.

Но насчет Трувора возникли трения.

– Пойдут от него тру-воровичи! – говорили послы, – а мы люди робкие. Рас-труворуют нашу землю самым лучшим манером.

Но варяги шутить не любили, и пришлось уступить.

От труворовичей и пошли на Руси интенданты, приказные и хожалые и всякого рода воры и взяточники [Русская история, 1922, с. 8].

Игра омонимами «Трувор – воры» помогла обозначить славянское наследие одного из трех братьев: среди мошенников и тех, кто на подхвате [СРЯ, т. 3, с. 413; т. 4, с. 613], интенданты – должностные лица военного ведомства [СРЯ,

т. 1, с. 671] – их принадлежность к «тру-воровичам», вероятно, не случайно подчеркнута Оршером. Вспомним, что говорил сатирик – лишь «киевским интендантам» и «опытным чиновникам» (государственным служащим) известна причина смерти Олега – тем, кто совершает преступление, и тем, кто его расследует.

Из всех ситуаций об Олеге, описанных Оршером с иронией, в этой пародии на летописную легенду в большей степени, чем в остальных, ощущается социально-политический подтекст.

Подводя итог, заметим, что пародия на летописные статьи о вешем Олеге составлена Оршером в лучших традициях русской сатирической культуры, которые мастерски были реализованы блестящими писателями-сатириконцами на страницах своего журнала. Комичность повествования достигается Оршером разными способами. В стилистике – это языковая игра на уровне лексических единиц и целых фраз – управление и согласование смыслами и значениями. В содержании – сочетание точного следования источнику с ироничными характеристиками представленных в нем образов, ситуаций, тем и мотивов. Яркий пример – тема смерти, с которой начинается и которой завершается рассказ Оршера об Олеге. Манера раскрытия сатириком этой проблематики с нескрываемой насмешкой сближает Оршера с теми представителями смеховой культуры, которые использовали приемы, характерные для явления, именуемого в западном литературоведении термином «черный юмор» [Борисов, 1993; Бретон, 1999]. Определяя формат черного юмора как культурного явления, Н. А. Масленкова называет его качественными отличия от подобных ему феноменов: смех (как эмоциональная составляющая) и жестокость (как тематическая составляющая): «“Черный юмор” как ни один другой вид смеха, – утверждает исследовательница, – всегда находится в ситуации на грани: он не совсем “приличен”, не совсем этичен и эстетичен, в официальном пространстве не уместен и т. д. Он, как правило, ассоциируется с тем, что людям неприятно: с жестокостью, катастрофами, болью» [Масленкова, 2008]. Иронично насмехаясь над Олегом и его кончиной, Оршер пользовался приемами «черного юмора», однако смех писателя имеет особую природу. В его повествовании отсутствуют ситуации умирания, натуралистические описания процесса гибели героев, любование смертью – все те признаки «жестокого, бесчеловечного юмора... трактующего убийство как комическую ситуацию», ставшие предпосылками настоящего «черного юмора» в России в начале XX в. [Козлова, Куляпин, 2008, с. 92–109].

Смеховой фон выстраивается Оршером не только благодаря проекции современных ему социальных и политических реалий на события и героев древней Руси (как раз это и смешит читателя), но и обратной передачей – использованием сатириком летописного материала для насмешки и едкой иронии над своими современниками. Такой прием одновременного «осовременивания» истории и использования летописных свидетельств в полемических целях придает смеху Оршера социально-политическую направленность, пронизывающую все части «Всемирной истории». «Исключив из своей программы все перечисленные этапы русского смеха – от смертельного щекотания читателей русалками до популярной тещи, – писал в предисловии к первому изданию «Всеобщей истории» редактор журнала «Сатирикон» А. Т. Аверченко. – “Сатирикон” выбрал новый, свой собственный путь и, вступая в третий год своего существования, может смело сказать, что избранное им направление вызывает большее восхищение, чем смех замороженных людей и путников, безвременно скончавшихся от щекотки... Хотя наша “Всеобщая история” и не будет рекомендована ученым Комитетом, состоящим при м-ве народного просвещения, – как руководство для учебных заведений,

но эта книга даст подписчикам единственный случай взглянуть на историческое прошлое народов – в совершенно новом и вполне оригинальном освещении...»²

Намек на рекомендацию «ученого Комитета» при Министерстве народного просвещения был понятен современникам сатириконцев – речь шла об учебниках историка Д. И. Иловайского (1832–1920), имя которого с нескрываемой насмешкой многократно упоминается всеми авторами «Всемирной истории», в том числе и Оршером. Учебники Иловайского – безусловного лидера официальной историографии в учебной литературе того времени, били рекорды по количеству прижизненных изданий автора [Фукс, 2011, с. 22]. Однако не количество, а содержание сочинений историка подвергались историко-литературному пародированию и критике сатириконцев: Иловайский выступал непримиримым защитником императорского престола, а предложенная им концепция историко-культурного развития Руси была проникнута духом «монархической партийности» [Колосова, 1975, с. 11]. «Иловайщина» стала синонимом идеологической реакции, воплощала ненавистный русской революционной (как и либеральной) традиции строй» [Дурновцев, Бачинин, 1996, с. 365; Историография истории, 2003]. Кроме того, Иловайский был ярким и последовательным представителем антинорманской теории [Шаханов, 2001]. Глава об Олеге начинается с язвительной комментария в адрес ученого:

О взятии этим князем Киева летописец Нестор со слов очевидца Иловайского рассказывает следующее... [Русская история, 1922, с. 8].

На самом деле летописный рассказ о призвании варягов Иловайский считал полностью легендарным и отвергал все связанное с «мифическим» Рюриком; об Олеге же отзывался как о фигуре «сказочной» и ничем не примечательной; а народ русь считал «туземным» [Иловайский, 2002, с. 14, 61, 191].

Пародийная оценка исторических событий и ироничное восприятие современности не только ради здорового смеха, но и для привлечения внимания к наиболее актуальным проблемам повседневности, уходящим корнями в прошлое, свойственны далеко не всем писателям – лишь талантливым и искренне переживающим за судьбу своей родины. «История России» Оршера – тому яркий пример. Мы уверены, что это произведение высокой культуры смеха дождетя своего исследователя.

Список литературы

Бейсов П. Артур Конан Дойл и его записки о Шерлоке Холмсе // Дойл А. К. Записки о Шерлоке Холмсе. Ульяновск: Ульяновская правда, 1957.

Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: Пер. с фр. Мн.: Харвест, 1999. (Классическая философская мысль).

Борисов С. Б. Эстетика «черного юмора» в российской традиции // Из истории русской эстетической мысли: Сб. научн. тр. СПб., 1993. С. 139–153.

Бретон А. Антология черного юмора / Пер., коммент., вступ. ст. С. Дубина. М.: Carte Blanche, 1999.

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: Идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2000.

Войтович Л. В. Олег Віщий: історіографічні легенди та реалії // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка:

² Цит. по: URL: <http://www.pergam-club.ru/book/5412> (дата обращения: 26.07.2014).

Историчні науки. Кам'янець-Подільський: ПП «Медобори–2006», 2013. Т. 23: На пошану професора С. А. Копилова. С. 91–112.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М.: Крон-Пресс, 1997.

Горский А. А. Приглашение Рюрика на княжение и его место в процессе складывания русской государственности // Исторический вестник: Начало русской государственности / Под общ. ред. А. А. Горского. М., 2012. Т. 1(148). С. 6–22.

Дойл А. К. Пестрая лента // Дойл А. К. Записки о Шерлоке Холмсе / Пер. М. Чуковской, Н. Чуковского. М.: Детгиз, 1956. (Библиотека приключений). С. 171–198.

Дойль К. А., Жилетт У. Шерлок Холмс на сцене / Вступ. ст., пер. и коммент. А. Шермана. Б. м.: Salamandra P.V.V., 2012. (Новая шерлокиана; Вып. 3).

Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. Г. Подосинова. М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. 3: Восточные источники.

Дурново В. И., Бачинин А. Н. Ученый грызун: Дмитрий Иванович Иловайский // Историки России XVIII – начала XX века. М.: Скрипторий, 1996.

Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконицы. М.: Наука, 1968.

Иловайский Д. И. Начало Руси. М.: Олимп: АСТ, 2002. (Историческая библиотека).

Историография истории России до 1917 года: В 2 т. / Под ред. М. Ю. Лачаевой. М.: Владос, 2003.

Козлова С., Куляпин А. Отцы и дети в мире «черного юмора»: Д. Хармс и О. Григорьев // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2008. № 9. С. 92–109.

Колосова Э. В. Исторические воззрения и общественно-политические взгляды Д. И. Иловайского и Н. П. Барсукова: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975.

Масленкова Н. А. (Не)культурный формат «черного юмора» // Studia Culturae. 2008. Вып. 12. С. 143–151.

Мельникова Е. А. Ольгъ/Олег Вещий. К истории имени и прозвища первого русского князя // Ad fontem – У источника: Сб. ст. в честь С. М. Каштанова. М., 2005. С. 138–146.

Мельникова Е. А. Норманны и даны, русь и варяги: скандинавы на западе и востоке Европы // Исторический вестник: Начало русской государственности / Под общ. ред. А. А. Горского. М., 2012. Т. 1 (148). С. 24–39.

Петрухин В. Я. К дохристианским истокам древнерусского княжеского культа // Политропон: Сб. ст. к 70-летию В. Г. Топорова. М., 1998.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб., 1846. Т. 1: Лаврентьевская и Троицкая летописи.

Русская история при варягах и ворягах. М., 1922.

Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянских культур, 2002.

Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. (Studia philologica).

Санников В. З. Краткий словарь русских острот. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. (Studia philologica).

Скрынников Р. Г. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв. СПб., 2000.

Словарь XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1989. Вып. 15: Персть – Подмышка.

СРЯ – Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1: А–Й; 1984. Т. 3: П–Р; Т. 4: С–Я.

Фукс А. Н. Школьные учебники по отечественной истории как историографический феномен (конец XVII в. – 1930-е гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

Чернов А. Ю. Хроники изначного времени. «Слово о полку Игореве»: Текст и его окрестности. СПб.: Вита Нова, 2006.

Чернов А. Ю. Вещий Олег: крещение и гибель // Actes testantibus: Ювілейний зб. на пошану Леонтія Войтовича. Збірник наук. праць. Львів: Ін-т українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2011. Вип. 20. С. 699–726.

Чуваков В. Н. Оршер // Краткая литературная энцикл. / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1968. Т. 5: Мурари – Припев.

Шаханов А. Н. «...В моих работах ничего не может устареть»: Д. И. Иловайский // История и историки: Историографический вестник. 2001. М.: Наука, 2001. С. 90–126.

Шумило С. Князь Оскольд и христианизация Руси. Киев: Дух і літера, 2010.

S. K. Sevastyanova

**The legendary story about Oleg the Wise
in the «Russian history» treated «Satyricon»**

The legendary story of the Kiev prince Oleg the Wise, known for The Tale of Bygone Years, reinterpreted in a humorous «Russian history», compiled by the Satyricon contributor I. L. Orsher and published by the magazine «Satyricon» in the early years of the 20th century. Using the short funny stories from Oleg's life the writer characterized in a satirical manner, going back to the traditions of the Russian laughter culture, virtually all areas of the Prince's activity, showing him both as a brave warrior and a hard ruler. Also, the paper presents an analysis of the interpretation of the archetypal motif of the «death of the prince from his steed». By parodying the annalistic material the satirist pursued the goal to afford aesthetic pleasure to the reader and make him laugh. For the satirical depiction of the political situation of Russia and of the social morals I. L. Orsher used the method of ironic depiction of the past by projecting the features characteristic of the events of his time onto the ancient era, and by endowing the Prince of Kiev with the traits of his contemporaries. The paper draws the conclusion: Orsher has reinterpreted values of the Russian history, and adapted them to the cultural and political tasks of his time.

Keywords: «Russian history», I. L. Orsher, «Satyricon», legendary story about Oleg the Wise, motif, plot, interpretation, satire, parody, humor, Russian laughter culture.

DOI 10.17223/18137083/53/10